

Кластерный подход к стратегическому планированию на региональном уровне в Российской Федерации*

Мусаев Р. А., Панкратов А. А. *, Астапов К. Л.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; *pankratov_aleksey_ml@mail.ru

РЕФЕРАТ

Целью статьи является определение использования кластерной модели модернизации экономики в стратегиях социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. В рамках статьи решаются следующие задачи: выявление регионов России, для которых тематика кластерного развития является наиболее значимой и актуальной, изучение взаимосвязи между периодом утверждения региональных стратегий и уровнем использования в них кластерной терминологии, анализ соотношения кластерной концепции и других используемых в настоящее время подходов, таких как производственная кооперация, «умная специализация» и «бережливое производство». Основные методы исследования: контент-анализ и корреляционный анализ. Выводы: исследование показывает высокий уровень использования кластерного подхода в региональных стратегиях, а также территориальную дифференциацию уровня использования кластерной концепции в разрезе субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: кластерная концепция, кластер, кооперация, умная специализация, бережливое производство, стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации

Для цитирования: Мусаев Р. А., Панкратов А. А., Астапов К. Л. Кластерный подход к стратегическому планированию на региональном уровне в Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2020. № 11. С. 99–118.

Cluster Approach to Strategic Planning on a Regional Level in the Russian Federation

Rasul A. Musaev, Alexey A. Pankratov*, Kirill L. Astapov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; pankratov_aleksey_ml@mail.ru

ABSTRACT

The article aim is to determine the use of the cluster model of economic modernization in the regional Russian Federation socio-economic development strategies. The following tasks are solved within the article framework: identifying the Russian regions for which the cluster development topic is the most significant and relevant; studying the relationship between the regional strategies approval period and the level of cluster terminology used in them; analyzing the relationship of the cluster concept and other currently used approaches, such as industrial cooperation, «smart specialization» and «lean manufacturing». The main research methods: content analysis and correlation analysis. The study shows a high level of cluster approach use in regional strategies, as well as territorial differentiation of the level of cluster concept use by Russian Federation regions.

Keywords: cluster concept, cluster, cooperation, smart specialization, lean manufacturing, strategy for socio-economic development of the Russian Federation region

For citing: Musaev R. A., Pankratov A. A., Astapov K. L. Cluster Approach to Strategic Planning on a Regional Level in the Russian Federation // Administrative consulting. 2020. N 11. P. 99–118.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (научный проект № 19-310-90081).

Введение

Кластерная концепция, разработанная в 1990-е годы американским ученым М. Портером, начиная с середины 2000-х гг. получила крайне широкое распространение и развитие в современной российской научной и управленческой практике [21].

Понятие кластер, означающее группу географически соседствующих взаимосвязанных компаний, действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга [20], стало особенно популярным в сфере стратегического управления, территориального планирования и развития, в экономической науке и социально-экономической географии, а также в среде ученых-регионалистов, бизнес-консалтинге и государственном управлении [5; 19].

Широкое распространение и применение кластерной концепции именно в Российской Федерации можно объяснить сразу несколькими факторами: во-первых, кластерный подход рассматривается как один из наиболее эффективных инструментов повышения конкурентоспособности региональных экономических систем [1], во-вторых, кластерная концепция имеет общие основы с активно применявшейся в советское время концепцией территориально-производственных комплексов (ТПК), важнейшей теоретико-практической задачей которой являлось рациональное и научно обоснованное размещение производительных сил и систем расселения на всей территории советского государства [11], в-третьих, рассматриваемая концепция отличается разработанностью, логической обоснованностью и практической применимостью, что определяет широкие возможности ее использования и особенную актуальность в условиях трансформационных процессов в российской экономике [16], в-четвертых, в связи с принятием Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» многие субъекты Российской Федерации стали разрабатывать и утверждать региональные стратегии социально-экономического развития, традиционным элементом которых стал кластерный подход.

Интенсивное внедрение и распространение кластерной концепции, в том числе таких базовых понятий, как «кластер», «кластерная инициатива», «кластеризация», «кластерный эффект», «конкурентоспособность», «конкурентные преимущества» и других в российском политическом, научном и управленческом дискурсе, привело к замещению и вытеснению устоявшихся, но устаревших понятий, советской районной школы¹ — «экономический район», «территориально-производственный комплекс», «энергопроизводственный цикл», «территориальная структура хозяйства» и многих других, которые составляли основу теории экономического районирования и территориально-производственного комплексирования [18].

Оправдано ли было такое стремительное замещение отечественного понятийно-терминологического аппарата зарубежными концепциями? С функциональной и логической точек зрения принципиальных расхождений между рассматриваемыми концепциями вряд ли можно найти, зачастую они имеют общий объект и предмет, схожую целевую направленность и во многом дублируют друг друга.

Основные и, как оказалось, непреодолимые расхождения возникли именно в идеологической плоскости: отечественные подходы к организации производительных сил, в первую очередь, являлись продуктом плановой экономической системы, в то время как кластерная концепция возникла и развивалась в рамках рыночной экономики [12].

Кроме того, либеральная модель развития экономики, которая превалировала в экономической политике 1990-х гг., не предполагала наличия экономических планов и стратегий, а экономический прогноз фактически сводился к одному году, что

¹ Советская районная школа — школа в социально-экономической географии, доминировавшая в СССР в 1930–1980-х гг. Основные представители: Н. Н. Баранский, Н. Н. Колосовский, Ю. Г. Саушкин, А. Т. Хрущев, Т. М. Калашникова.

способствовало вытеснению из практики территориально-производственного подхода. И действительно, на протяжении трансформационного этапа 1990-х гг. российская наука, как и в целом общественно-управленческая система, активно перенимала и внедряла западный опыт, что определило стремительное замещение отечественных разработок и подходов альтернативными зарубежными теориями.

Принципиально иной моделью поведения в рамках экономико-политической трансформации могла бы стать адаптация российского опыта прогнозирования и планирования под требования и реалии рыночной экономики, на чем активно настаивали многие ученые, включая академиков В.М. Полтеровича [13; 14] В.Л. Квинта¹ [7; 8] и С.Ю. Глазьева [2; 3], однако в экономико-управленческой сфере такой адаптации в полной мере, к сожалению, не произошло, в результате чего отечественные экономические и экономико-географические школы потеряли свое значение, распались и со временем исчезли.

Переходный период 1990-х — начала 2000-х гг. характеризовался отсутствием единой стратегической линии в сфере долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. Долгие годы слово «стратегия» не было отражено в директивных документах, поскольку после распада СССР плановые методы незаслуженно посчитали бесполезными, несмотря на то что долгосрочные и индикативные планы развития экономики применяются во многих странах мира [7; 8; 17].

В России до принятия в 1995 г. Федерального закона «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» (115-ФЗ)² система стратегического планирования в целом отсутствовала. Вместе с тем после принятия указанного закона ситуация принципиально не улучшилась: очевидно, что в условиях экономической нестабильности и повышенной инфляции³ разработка долгосрочных региональных стратегий социально-экономического развития не являлась первоочередной задачей.

В то же время на федеральном уровне все же существовали документы или разработки стратегического характера, причем не только в научных кругах. Стратегия развития российской экономики до 2010 г., называемая «программой Грефа», которая хотя и не была официально утверждена, играла роль основополагающего документа, определившего дальнейшую программу и направления реформ. Кроме того, для ряда ключевых отраслей экономики были разработаны программы развития на 10-летнюю перспективу.

Окончательное понимание необходимости разработки эффективной системы стратегического планирования сложилось в 2006 г., когда Президентом России В.В. Путиным была поставлена задача по разработке стратегии (концепции) долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Указанная стратегия была утверждена спустя два года — в 2008 г.⁴ и фактически явила собой первый документ долгосрочного стратегирования в сфере социально-экономического развития Российской Федерации.

В 2009 г. в контексте реализации принятой стратегии Указом Президента Российской Федерации⁵ были сформированы новые подходы и принципы, регламен-

¹ См. тезисы доклада В.Л. Квинта «Стратегирование процессов кластеризации в цифровой экономике» на конференции «Кластеризация цифровой экономики: глобальные вызовы», МГУ имени М.В. Ломоносова, Московская школа экономики, 18 июня 2020 г.

² Федеральный закон от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» (утратил силу).

³ В 1995 г. инфляция в России составила 131%, в 1998 г. — около 85%.

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 536 «Об основах стратегического планирования в Российской Федерации».

тирующие функционирование системы стратегического планирования, пришедшие на смену Федеральному закону 1995 г.

Несмотря на предпринятые государством меры системе стратегического планирования Российской Федерации вплоть до середины 2010-х гг. были характерны следующие проблемы:

- отсутствие единой методологии разработки стратегий;
- отсутствие подхода к систематизации документов стратегического планирования;
- неопределенность их иерархической структуры;
- отсутствие взаимной увязки между документами стратегического планирования по срокам и этапам реализации, целевым показателям и сценариям;
- отсутствие предусмотренных механизмов реализации указанных документов;
- неопределенность их ресурсного и финансового обеспечения.

Многие стратегии по сути представляли собой инерционные программы развития в лучшем случае на 10 лет, не содержали амбициозных целей, выверенных и обоснованных стратегических приоритетов, дорожных карт по их реализации, а также необходимого ресурсного обеспечения.

Рассматриваемые проблемы были частично решены с принятием в 2014 г. Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹, в котором была произведена систематизация документов стратегического планирования федерального и регионального уровней, определены принципы, задачи и полномочия основных участников в сфере стратегического планирования. Более того, сложившаяся практика трехлетнего бюджетного планирования стала дополнительным стимулом для разработки долгосрочных стратегий, поскольку трехлетний горизонт для планирования бюджетных инвестиций все же недостаточен для серьезных структурных изменений.

Таким образом, система стратегического планирования в Российской Федерации в нормативном правовом отношении сформировалась спустя более чем 20 лет после распада СССР.

Важно, что Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» не только закрепил основные стратегические понятия (такие как стратегическое планирование, целеполагание, задачи стратегии, мониторинг и др.), но и позволил интегрировать существовавший ранее положительный опыт разработки стратегий (научно-технологическое развитие, пространственное развитие Российской Федерации и др.) в стратегические документы.

В связи с указанными изменениями кластерный подход стал активно интегрироваться в региональные стратегии. Рост популярности кластерной концепции также связан с тем, что в отсутствие единого регламентирующего документа в сфере стратегического планирования на протяжении длительного периода времени именно зарубежные инструменты, методы и подходы активно распространялись в российской управленческой практике. Иными словами, условия внутренней неопределенности, отсутствие регламентирующих механизмов и критического инструментария способствовали стремительному внедрению зарубежных моделей и теорий в научной и управленческой сфере, в том числе — активному применению кластерной концепции.

Впервые о формировании кластеров в Российской Федерации на уровне федерального документа стратегического планирования было заявлено именно в концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., в рамках которой была поставлена задача формирования сети кластеров, основное назначение которых — реализация конкурентного потен-

¹ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.

циала территорий в целях модернизации экономической системы Российской Федерации [10].

Постановка задачи кластерного развития в «Стратегии 2020» положила начало реализации кластерной политики в Российской Федерации, результатом которой стало формирование и поддержка 118 кластерных образований федерального уровня по различным направлениям стимулирующей политики, осуществляемым Минэкономразвития России и Минпромторгом России¹, а также широкое развитие региональных кластеров, точное количество которых не определено и в настоящее время измеряется сотнями подобных объектов.

Как отмечалось выше, большое количество региональных кластеров в том числе определяется высоким вниманием и поддержкой со стороны региональных органов исполнительной власти. В рамках основных документов стратегического планирования регионального уровня — стратегиях социально-экономического развития субъектов Российской Федерации — создание и поддержка кластерных образований обозначается в качестве одного из ключевых приоритетов [21].

Цель, задачи и гипотезы исследования

Целью предлагаемого исследования является определение масштаба распространения и использования кластерной концепции в современной российской управленческой практике на примере стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

При этом в рамках статьи предполагается решение ряда задач: выявление регионов России, для которых тематика кластерного развития в настоящее время является наиболее значимой и актуальной, изучение взаимосвязи между периодом утверждения региональных стратегий и уровнем использования в них основных понятий и положений кластерной концепции, анализ соотношения кластерной концепции и других активно используемых в настоящее время подходов, таких как производственная кооперация, «умная специализация» и «бережливое производство», количественное сравнение основных положений кластерной концепции и понятий, связанных с производственной кооперацией, имеющих отношение к отечественным разработкам, в том числе теории экономического районирования и концепции территориально-производственных комплексов.

В рамках исследования проверяется несколько гипотез: предполагается, что наибольшее использование кластерной терминологии соответствует стратегиям промышленно развитых субъектов Российской Федерации, специализирующихся на обрабатывающих производствах, машиностроении и оборонно-промышленном комплексе, располагающих высоким научно-исследовательским потенциалом, высокотехнологичными и наукоемкими производствами и активно реализующих в настоящее время направления кластерной политики.

Для регионов, специализирующихся на добыче полезных ископаемых, агропромышленном комплексе, а также регионов, отстающих в социально-экономическом развитии, значение кластерной концепции в ее количественном выражении относительно невелико.

Такая гипотеза связана с тем, что кластерная политика наиболее эффективна как инструмент повышения эффективности взаимодействия нескольких отраслей и промышленных комплексов, связанных вертикально в рамках цепочек создания добавленной стоимости на одной территории, либо их взаимодействие на горизонтальном

¹ По данным Российской кластерной обсерватории на июль 2020 г., режим доступа: <https://cluster.hse.ru>.

уровне — необходимо, в первую очередь, для производства конкурентоспособного продукта.

Второй гипотезой является предположение, что кластерная концепция для подавляющего большинства региональных стратегий используется в гораздо большей степени по сравнению с другими близкими по смыслу концепциями и подходами, например, концепциями «умной специализации» и «бережливого производства», при этом кластерная концепция практически полностью вытеснила понятия, связанные с промышленной кооперацией. Также предполагается, что в последние годы все больше наблюдается применение концепции умной специализации, а также других подходов, нацеленных на развитие конкурентных преимуществ регионов.

Третья гипотеза отражает проблематику практической реализации направлений кластерной политики в субъектах Российской Федерации. Так, в рамках гипотезы предполагается, что для регионов России, активно реализующих направления кластерной политики, в стратегиях социально-экономического развития большое внимание также уделяется реализации конкретных кластерных инициатив в то время, как для остальных субъектов Российской Федерации характерно преимущественно декларативное обозначение понятий кластерной концепции. Тем не менее используемый аппарат не всегда дает возможность точно разделить конкретные кластерные инициативы и формальный кластерный подход при разработке стратегий.

Методология исследования

Объектом исследования являются стратегии социального-экономического развития субъектов Российской Федерации (85 стратегий), предметом исследования — изучение указанных стратегий с точки зрения использования в них кластерной терминологии, а также понятий, связанных с производственной кооперацией, «умной специализацией» и «бережливым производством».

В рамках предлагаемой работы использовалось несколько исследовательских методов. На первом этапе исследования применялся метод контент-анализа региональных стратегий на предмет количественного определения в них следующих понятий: «кластер», «кластерная инициатива», «кооперация», «умная специализация», «бережливое производство».

По результатам контент-анализа была составлена база данных в табличном формате в разрезе субъектов Российской Федерации, содержащая количество упоминаний исследуемых терминов и понятий в региональных стратегиях (Приложение 1).

Помимо этого, в базе данных содержится информация о годе утверждения стратегии, ее плановом периоде, информация о текстовом объеме стратегии (количество знаков), а также условный коэффициент кластерного присутствия, рассчитываемый как отношение количества упоминаний понятия «кластер» к текстовому объему стратегии (количеству знаков), умноженный на 1000.

На втором этапе исследования в целях проверки сформулированных гипотез проводился корреляционный анализ количества упоминаний терминологии исследуемых концепций с некоторыми социально-экономическими показателями, отражающими уровень экономического (валовой региональный продукт на душу населения), инвестиционного (инвестиции в основной капитал на душу населения), промышленно-технологического (доля обрабатывающих производств в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости, доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте, доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг) и кластерного (количество кластерных образований федерального уровня) развития субъектов Российской Федерации. По итогам проведенного исследования

была составлена таблица, содержащая значения коэффициентов корреляции (Приложение 2).

Результаты исследования

На сегодняшний день большинство региональных стратегий утверждены в 2017 и действуют до 2030 гг., следовательно, средний период стратегирования, относящийся к рассматриваемым документам, составляет 13 лет, что относит их к долгосрочным документам стратегического планирования.

При этом наиболее «старшей» среди действующих стратегий является стратегия Липецкой области, утвержденная в 2006 г. и действующая до 2024 г., наиболее долгосрочными являются 16 региональных стратегий, которые запланированы на период до 2035 г., 11 регионов в настоящее время ведут работу по актуализации или разработке новых стратегий социально-экономического развития¹.

Запланированные временные периоды действия региональных стратегий в целом по России варьируются от 5–8 лет (стратегии г. Москва, Ивановской и Калининградской области) до 21 года (стратегии Калужской и Владимирской области, Республики Ингушетия и Карачаево-Черкесской Республики), еще 2 стратегии — Оренбургской области и Камчатского края рассчитаны на 20 лет. При этом для абсолютного большинства региональных стратегий преобладает долгосрочный тип стратегирования — 83 из 85 стратегий запланированы сроком от 10 лет и более.

Средний текстовый объем стратегии составляет около 390 тыс. знаков печатного текста (с учетом пробелов) или порядка 155–160 страниц², при этом в настоящее время прослеживается тенденция к сокращению текстового объема указанного вида документа.

Понятия, связанные с кластерной концепцией, в среднем встречаются по тексту стратегии 74 раза, в то время как понятия, связанные с «кооперацией» любого вида, упоминаются в среднем 14 раз. Значительно реже встречаются понятия, связанные с «умной специализацией» и «бережливым производством» — 7 и 2 раза соответственно. Употребление понятия «кластерная инициатива» и вовсе невелико — в среднем в рамках региональной стратегии указанное понятие встречается около одного раза.

Кластеры упоминаются в 83 региональных стратегиях, кроме стратегий Магаданской области и Чукотского автономного округа. Положения, связанные с кооперацией, также широко распространены и присутствуют в 82 стратегиях, кроме стратегий Пермского края, Ямало-Ненецкого и Чукотского автономных округов. Гораздо реже распространены концепции «умной специализации» и «бережливого производства» — в 46 и 33 стратегиях соответственно, ссылки на «кластерные инициативы» присутствуют лишь в 28 региональных стратегиях.

Выдвинутый с помощью гипотезы тезис о преобладании положений кластерной концепции в стратегиях регионов, располагающих развитым производственным комплексом и специализирующихся на выпуске высокотехнологичных, наукоемких товаров и услуг, подтверждается частично.

С одной стороны, регионами-лидерами по использованию в своих стратегиях понятий кластерной концепции, действительно, являются индустриально развитые субъекты Российской Федерации: Тульская область — значение коэффициента кластерного присутствия составляет 14,7, Республика Татарстан — 7, Омская, Самарская, Калужская области, Краснодарский край — более 5, Белгородская, Владимирская, Ульяновская области — более 4,5.

¹ По данным на июль 2020 г.

² При расчете, что в среднем 2500 знаков с пробелами приходится на 1 страницу печатного текста.

В то же время к регионам-лидерам также относятся субъекты, для которых доля обрабатывающих производств в структуре валовой добавленной стоимости относительно невелика и которые, согласно гипотезе, изначально не рассматривались в качестве возможных регионов-лидеров по уровню использования кластерной терминологии, к таким регионам относятся Республика Северная Осетия — Алания, Астраханская и Мурманская области, Камчатский край.

В то же время российские регионы, активно реализующие кластерную политику и характеризующиеся развитым производственным комплексом с высокой долей наукоемких высокотехнологичных производств, г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Башкортостан, Свердловская, Московская, Липецкая и Ростовская области, Красноярский край и другие субъекты в своих стратегиях уделяют относительно небольшое внимание проблемам реализации направлений кластерной политики.

Более того, коэффициент корреляции между количеством упоминаний понятий кластерной концепции и современной территориальной организацией кластерных образований федерального уровня составляет лишь 0,02, т. е. никакой статистической зависимости между реальной территориальной организацией кластерных образований и количеством упоминаний о кластерах в региональных стратегиях нет.

К регионам, для которых тематика кластерной политики не является приоритетной, как и предполагалось, относятся северные ресурсодобывающие субъекты Российской Федерации: Магаданская область, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, Пермский край, а также регионы, специализирующиеся на сельском хозяйстве — Чеченская и Кабардино-Балкарская Республики, Республика Ингушетия, что также частично подтверждает выдвинутую гипотезу.

Статистический анализ полученных данных показывает, что корреляционные взаимосвязи между уровнем использования понятий кластерной концепции в региональных стратегиях и показателями промышленно-технологического развития очень слабые, в данном случае значение коэффициентов корреляции варьируется от 0 до 0,3.

Наиболее высокой статистической значимостью в качестве объясняющего фактора уровня использования понятий кластерной концепции в региональных стратегиях обладает показатель доли обрабатывающих производств в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости — коэффициент корреляции составляет 0,29, показатель доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП характеризуется меньшей статистической значимостью — коэффициент корреляции не превышает 0,25, показатель доли инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженной продукции статистически не значим — коэффициент корреляции составляет менее 0,2.

Уровень экономического развития, характеризуемый показателем ВРП на душу населения, а также уровень инвестиционной активности, отражаемый показателем инвестиций в основной капитал на душу населения, не могут рассматриваться в качестве объясняющих факторов использования кластерной концепции в региональных стратегиях. Корреляция между указанными показателями и количеством упоминаний терминов кластерной концепции отрицательная и составляет минус 0,13 для каждого из рассматриваемых показателей.

Указанная ситуация объясняется тем, что наибольшие удельные показатели экономического и инвестиционного развития, в первую очередь, характерны ресурсным регионам России — Ненецкому, Ямало-Ненецкому, Ханты-Мансийскому, Чукотскому автономным округам, Сахалинской и Магаданской областям, Республикам Коми и Саха (Якутия). Регионами с несырьевой экономикой, входящими в первые десять субъектов России по показателю ВРП на душу населения, являются г. Москва и г. Санкт-Петербург, в стратегиях которых, как отмечалось выше, уровень использования понятий кластерной концепции относительно незначителен.

Гипотеза о преобладающей роли кластерной концепции по сравнению с другими

похожими подходами — «умной специализации» и «бережливым производством» в целом подтверждается. Проведенный анализ показывает, что кластерная концепция в настоящее время, действительно, является наиболее широко применимой, если сравнивать ее с другими альтернативными концепциями — «умной специализацией» и «бережливым производством», что справедливо как для «усредненной» региональной стратегии, так и в абсолютном количественном выражении.

Между тем именно концепция «умной специализации», наиболее динамично развивающаяся в последнее время, в ближнесрочной перспективе может значительно усилить свое влияние в рамках региональных стратегий.

В настоящее время подходы «умной специализации» присутствуют в 46 из 85 региональных стратегий. К регионам, активно внедряющим на практике так называемые «умные» или смарт-технологии — «умный город», «умный дом», «умное сельское хозяйство», «умный транспорт» и другие, в настоящее время относятся Краснодарский край, Республики Татарстан, Адыгея, Калмыкия и Северная Осетия — Алания, Курская, Ростовская, Сахалинская, Нижегородская области, г. Москва. Более того, в стратегиях Курской и Ростовской областей количество упоминаний различных видов «умных технологий» превысило количество упоминаний понятий, связанных с кластерной концепцией.

Концепция «бережливого производства» используется в региональных стратегиях в значительно меньшей степени, по сравнению с кластерной концепцией и «умной специализацией» — всего 33 стратегии. Относительно указанной концепции выделяются стратегии Брянской, Курской, Нижегородской, Московской, Самарской, Рязанской областей, Республик Адыгея, Северная Осетия — Алания и Бурятия, Краснодарского края.

Количественное использование положений концепций «умной специализации» и «бережливых технологий» в региональных стратегиях слабо коррелирует с показателями экономического, инвестиционного и технологического развития региональной экономики. Коэффициенты корреляции количества упоминаний «умной специализации» и «бережливых технологий» с показателями ВРП и инвестиций в основной капитал на душу населения также, как и для кластерной концепции, имеют отрицательные значения.

Важной особенностью является наличие отрицательной корреляции между количеством упоминаний «умных технологий» и показателем доли обрабатывающих производств в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости, что может свидетельствовать о более широкой целевой направленности указанной концепции и в то же время ее невысокой функциональной связанности непосредственно с обрабатывающими производствами, как и в целом — с реальным сектором экономики.

Согласно анализу региональных стратегий, «умные технологии» в большей степени относятся не к сфере материального производства, а к инфраструктурным отраслям — жилищно-коммунальным услугам («умный город»), энергетике и транспортному комплексу («умный транспорт», в том числе «умный городской транспорт»). В последнее время особенно активно растет востребованность смарт-технологий в сфере цифровой экономики и информационно-коммуникационных технологий [6].

Отрицательная корреляция, причем как для «умной специализации», так и для «бережливых производств», характерна относительно показателя доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП, что может также свидетельствовать об их более широкой отраслевой направленности.

Один из наиболее важных исследовательских выводов связан с корреляционным анализом количества упоминаний рассматриваемых концепций и временными характеристиками региональных стратегий, а именно — годом их утверждения.

Коэффициент корреляции между наличием в региональных стратегиях положений кластерной концепции и годом утверждения региональной стратегии имеет отрицательное значение и составляет минус 0,04, в то время как аналогичные коэффициенты для концепций «умной специализации» и «бережливого производства» положительные и составляют 0,23 и 0,3 соответственно.

Учитывая, что начало реализации кластерной политики в Российской Федерации относится к 2008–2010 гг., период наиболее широкого применения механизмов кластерного развития приходится на середину 2010-х гг., в настоящее время управленческий интерес региональных властей к направлениям кластерной политики, о чем могут свидетельствовать данные корреляционного анализа, постепенно начинает снижаться, что особенно усиливается в контексте неэффективного опыта реализации кластерной политики по направлениям Минэкономразвития России [10].

Положения и подходы «умной специализации» и «бережливого производства» в российской управленческой практике нашли свое применение значительно позже направлений кластерной политики.

Концепция «умной специализации» (smart specialisation) была разработана экспертной группой Европейской комиссии «Знание для роста» (Knowledge for Growth) в 2005 г. как стратегия инновационного развития, целью которой стало наиболее эффективное использование социально-экономического потенциала территорий, достигаемое за счет развития их конкурентных преимуществ [9]. «Умная специализация» сочетает изучение направлений промышленной, инновационной и образовательной политики с целью отбора некоторого количества приоритетных областей для их дальнейшей поддержки с учетом наиболее значимых конкурентных преимуществ региональной экономики [4].

Несмотря на то что концепция «бережливого производства», направленная на минимизацию издержек в рамках производственного процесса и особенно актуальная для регионов с высокой энергоемкостью экономики, возникла еще в 1950-е годы в Японии как организационная модель производственной системы «тойотизм», ее активное распространение в мировой практике пришлось на 2000-е годы, в российской практике — на 2010-е [15].

Таким образом, в рамках анализа региональных стратегий выявляется определенная закономерность, связанная с циклическим использованием различных концепций, моделей и подходов в российском управленческом процессе. Так, в условиях ослабления интереса региональных властей к возникшей ранее кластерной концепции, одновременно наблюдается повышение интереса к таким относительно новым концепциям, как концепции «умной специализации» и «бережливого производства».

Указанный вывод особенно важен в контексте оценки качества процесса регионального стратегирования. Исходя из полученных данных, можно отметить, что обращение и отсылки в различных региональных стратегиях к тем или иным управленческим концепциям, моделям и подходам определяется не столько их прикладной и функциональной значимостью для конкретной региональной экономической системы, сколько их текущей популярностью и востребованностью в управленческой среде. Из данного замечания возникает вопрос о реальной практической ценности всевозможных концепций и установок, широко используемых в настоящее время в документах стратегического планирования: имеют ли они реальную практическую значимость или применяются исключительно с точки зрения наличия определенной управленческой тенденции? Ответом на этот вопрос может стать мониторинг реализации региональной стратегии на предмет достижения целей и задач, поставленных в стратегии, в том числе значений целевых показателей по каждому из направлений социально-экономического развития.

Предположение об абсолютном вытеснении кластерной концепцией понятий, связанных с кооперацией различных видов, не подтверждается. Несмотря на то что

в количественном отношении различные положения и термины, связанные с кластерной концепцией, значительно превосходят количество понятий, связанных с кооперацией — в среднем более чем в 5 раз (74 против 14), как отмечалось выше, термин «кооперация» также широко используется и присутствует в 82 из 85 региональных стратегиях.

Регионами-лидерами по использованию этого термина являются как индустриально развитые субъекты Российской Федерации — Тульская, Воронежская, Брянская, Курская, Кемеровская области, Республики Татарстан и Бурятия, так и ресурсодобывающие регионы — Республика Карелия и Сахалинская область, а также регионы, специализирующиеся на сельском хозяйстве — Алтайский край, Республика Крым и Республика Северная Осетия — Алания. Помимо этого, выделяются регионы, для которых количественное использование термина «кооперация», превышает количество понятий, связанных с кластерной концепцией: Московская, Курская, Брянская, Костромская, Магаданская область, Кабардино-Балкарская Республика, Удмуртская Республика, Республика Марий Эл.

Вместе с тем смысловое употребление термина «кооперация» в региональных стратегиях в настоящее время противоречиво. С одной стороны, указанный термин продолжает использоваться в своем концептуальном смысле, а именно в контексте производственной, межотраслевой и кластерной кооперации. С другой стороны, употребление рассматриваемого термина в настоящее время начинает терять свой узкоспециальный смысл, происходит концептуальное «размытие» рассматриваемого понятия — осуществляется переход исследуемого термина из разряда узкоспециальных, в категорию общеупотребимых понятий. Так, в региональных стратегиях зачастую говорится о «кооперации науки и бизнеса», «кооперационной активности между региональными органами власти», «кооперации с другими регионами», а также абстрактном «налаживании кооперационных связей».

Количество упоминаний понятия «кооперация» в региональных стратегиях, также как и для кластерной концепции, «умной специализации» и бережливого «производства», характеризуется отрицательными корреляционными связями с показателями инвестиционного и экономического развития, хотя очевидно, что для ресурсодобывающих регионов развитие производственной кооперации также как и реализация направлений кластерной политики не является приоритетной задачей. Корреляция с показателями доли обрабатывающих производств в отраслевой структуре экономики, доли инновационных товаров и услуг в общем объеме выпуска и ВРП — положительная, но очень слабая — менее 0,2.

Вместе с тем наблюдается сравнительно сильная корреляционная зависимость между использованием понятия «кооперация» и годом утверждения региональной стратегии: в данном случае коэффициент корреляции составляет около 0,4 — чем «новее» стратегия, тем больше в ней понятий, связанных с кооперацией.

Данная ситуация, с одной стороны, объясняется повышением использования понятия «кооперация» в качестве общеупотребимого термина, с другой — многочисленными отсылками в «последних» региональных стратегиях на реализацию национального проекта «Международная кооперация и экспорт», который был утвержден Правительством Российской Федерации в 2018 г.¹

Таким образом, в отношении термина «кооперация» наблюдается похожая ситуация, свойственная рассмотренной выше тенденции использования в региональных стратегиях кластерной концепции, «умной специализации» и бережливого производства: повышение внимания к кооперации, в первую очередь, определяется не

¹ Паспорт национального проекта (программы) «Международная кооперация и экспорт» утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16.

реальными производственными потребностями и направлениями развития, существующими в экономике региона, а реализацией в настоящее время национального проекта, содержащего в своем названии исследуемый термин.

Гипотеза, связанная с предположением о большом функциональном значении понятия «кластерная инициатива», не подтвердилась. Практически во всех региональных стратегиях слово «инициатива» широко распространено, однако, как правило, оно не имеет отношения непосредственно к кластерной политике. Так, в стратегиях встречаются такие виды инициатив, как «биотехнологические», «благотворительные», «волонтерские», «гражданские», «добровольные», «законодательные», «инвестиционные», «инновационные», «Интернет», «культурные», «международные», «местные», «мировые», «молодежные», «муниципальные», «музейные», «народные», «научно-исследовательские», «научно-технические», «научно-технологические», «национальные», «образовательные», «общественные», «организационные», «предпринимательские (бизнес)», «проектные», «социально-гражданские», «стратегические», «творческие», «технологические», «Федеральные», «частные», «экологические», «экономические», «экспортные».

Между тем понятие «кластерная инициатива» в региональных стратегиях встречается крайне редко, как отмечалось выше, в среднем 1 раз, в 57 из 85 региональных стратегий рассматриваемое понятие отсутствует. В то же время наибольшее количество упоминаний понятия «кластерная инициатива» приходится на стратегии субъектов Российской Федерации, активно реализующих направления кластерной политики — Тульской, Самарской и Новосибирской областей, Республики Татарстан и г. Москва. Несмотря на указанное логическое соответствие, значение коэффициента корреляции между количеством понятий «кластерная инициатива» и количеством федеральных кластеров в российских регионах составляет 0,09, что свидетельствует о фактическом отсутствии статистической взаимосвязи между реальной территориальной организацией кластерных образований и количественном отражении понятия «кластерная инициатива» в региональных стратегиях.

Выводы

В результате исследования был проведен контент-анализ стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации на предмет количественного определения использования в них понятий, связанных с кластерной концепцией, производственной кооперацией, «умной специализацией» и «бережливым производством».

В целях репрезентативной интерпретации полученных с помощью контент-анализа результатов был проведен корреляционный анализ исследуемых характеристик на предмет определения их статистической взаимосвязи с показателями экономического, инвестиционного и промышленно-технологического развития в разрезе субъектов Российской Федерации.

Анализ региональных стратегий показывает, что кластерная концепция в настоящее время широко используется в рамках процесса регионального стратегирования, практически все региональные стратегии содержат термины и понятия, связанные с указанной концепцией, в том числе отдельные главы и разделы, посвященные направлениям кластерного развития.

Кластерная концепция по уровню востребованности в настоящее время в значительной степени превосходит альтернативные концепции и подходы, такие как «умная специализация» и «бережливое производство». Понятия, связанные с производственной кооперацией, также широко распространены в региональных стратегиях, однако в количественном отношении они в несколько раз уступают терминам и понятиям, имеющим отношение к кластерной концепции.

Среди всех региональных стратегий по уровню использования понятий кластерной концепции особенно выделяются стратегии Тульской, Омской, Самарской, Калужской, Белгородской, Кемеровской областей, Республики Татарстан, Краснодарского края и Республики Северная Осетия — Алания.

Вместе с тем текущая картина применения кластерной терминологии в процессе регионального стратегирования довольно сложно поддается объяснению с точки зрения реальной территориальной организации кластерных образований, а также процессов экономического, инвестиционного и технологического развития.

Корреляционная взаимосвязь между упоминанием в региональных стратегиях положений различных концепций и основных социально-экономических показателей, как правило, находится на уровне статистической погрешности¹. Иными словами, региональные стратегии в части использования направлений кластерной концепции в большинстве случаев оторваны от реальной действительности и не связаны с текущей картиной экономической и кластерной активности.

В этом отношении показательной является стратегия социально-экономического развития Республики Северная Осетия — Алания. В частности, несмотря на то, что Республика Северная Осетия — Алания не относится к регионам-лидерам по показателям индустриального, технологического и кластерного развития, в стратегии указанного региона понятия кластерной концепции, «умной специализации» и «бережливого производства» зачастую используются чаще, чем в большинстве стратегий индустриально развитых регионов.

Предположение о дифференциации регионов по уровню использования положений кластерной концепции в зависимости от отраслевой структуры их экономики подтвердилось лишь частично. С одной стороны, исследование показало, что индустриально развитые субъекты Российской Федерации, действительно, более широко используют кластерную терминологию по сравнению с регионами, имеющими сырьевую экономику или специализирующимися на производстве сельскохозяйственной продукции.

С другой стороны, строгого системного соотношения регионов между собой, согласно выдвинутой гипотезе, не наблюдается. Так, к регионам, которые в наименьшей степени используют кластерную терминологию в своих стратегиях, относятся такие развитые в инновационном и технологическом отношении субъекты Российской Федерации, как г. Санкт-Петербург, г. Севастополь, Свердловская и Ростовская области, Республика Башкортостан и другие.

Гипотеза о высоком значении в региональных стратегиях понятия «кластерная инициатива» не подтвердилась. В настоящее время уровень использования указанного понятия крайне низкий. Таким образом, направления, связанные с поддержкой и развитием конкретных кластерных инициатив, что является первоначальным этапом реализации эффективной кластерной политики, практически не отражены в региональных стратегиях. В исследуемых документах речь, как правило, идет об уже сформированных кластерных образованиях или, что наиболее распространено, кластерах, которые только планируется создать в рамках реализации региональной стратегии.

Наиболее интересные и показательные выводы связаны с изучением статистической взаимосвязи между использованием понятий различных концепций и годом утверждения региональных стратегий. Так, с помощью корреляционного анализа были выявлены тенденции ослабления управленческого интереса к кластерной концепции, что особенно проявляется на примере относительно «новых» региональных стратегий, при одновременном повышении внимания к концепциям «умной специализации» и «бережливого производства».

¹ Коэффициенты корреляции варьируются от 0 до 0,3 (очень слабая корреляционная взаимосвязь).

В то же время, несмотря на предположение о вытеснении кластерной концепцией понятий, связанных с производственной кооперацией, употребление в региональных стратегиях термина «кооперация» в последние годы растет, однако указанная тенденция определяется не столько реальным повышением управленческого интереса к процессам кооперации, сколько реализацией национального проекта «Международная кооперация и экспорт», утвержденного в 2018 г.

Указанные закономерности наталкивают на предположение, что использование тех или иных концепций, подходов и моделей в рамках процесса регионального стратегирования определяется не реальным положением дел в сфере экономического, инвестиционного, технологического и кластерного развития, а другими факторами, не имеющими отношения к текущему состоянию региональной экономики. Такими факторами могут являться популярность той или иной концепции на момент разработки проекта стратегии, наличие определенных приоритетов социально-экономического развития, закреплённых в документах стратегического планирования федерального уровня, а также субъективный взгляд авторов и разработчиков региональной стратегии.

Все это приводит к выводу, что, несмотря на формирование в Российской Федерации системы стратегического планирования, определяющей и регламентирующей разработку наиболее важных документов в сфере социально-экономического развития, сложившаяся система регионального стратегирования в настоящее время нуждается в существенной доработке, корректировке и предметном улучшении.

Основная проблема региональных стратегий заключается в том, что этот большой по объему документ, как правило, затрагивает все без исключения сферы социально-экономического развития, не определяя при этом наиболее существенных приоритетных направлений и проблем, конкретных шагов и механизмов по их решению, а также понятно сформулированных целей и задач, которые необходимо достичь. Иными словами, региональная стратегия, что видно из анализа использования в стратегиях кластерного подхода, к сожалению, зачастую оторвана от реальности и представляет собой скорее формальное приложение, чем готовое руководство к действию.

Проведенное исследование позволяет расширить исследовательский инструментарий как экономической науки в целом, так и кластерной концепции в частности применительно к анализу документов стратегического планирования, определению их социально-экономической значимости. Подходы, предложенные в предлагаемом исследовании, могут использоваться в качестве прикладных инструментов к оценке эффективности направлений и процессов регионального стратегирования, стратегического планирования и развития. Указанные подходы могут быть расширены в части рассмотрения большего количества социально-экономических показателей, а также применения более сложных статистических и эконометрических методов по выявлению и оценке экономико-статистических взаимосвязей.

Проведенное исследование показало, что широкое использование различных концепций, в том числе кластерного подхода, умной специализации и других в рамках регионального стратегирования не всегда отражает их реализацию на практике. Таким образом, одной из наиболее актуальных задач является повышение эффективности системы регионального стратегирования. Необходимо скорректировать методологию разработки региональных стратегий, формировать стратегии как предельно реалистичные долгосрочные программы, учитывающие особенности конкретного региона и нацеленные на стратегические преобразования в сфере активизации социально-экономического развития и улучшения качества жизни людей. Также важно обеспечить мониторинг реализации стратегий, который должен включать как количественные оценки, так и позиции экспертов относительно реализации стратегических инициатив, в том числе реализации направлений кластерной политики.

Литература

1. Власкин Г. А., Ленчук Е. Б. Кластерный подход в стратегии инновационного развития зарубежных стран // Проблемы прогнозирования. 2010. № 5. С. 38–51.
2. Глазьев С. Ю. Наука на службе евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 2. С. 10–11.
3. Глазьев С. Ю. Сделать знание силой. Правильная теория — необходимое условие развития экономики // Металлургия машиностроения. 2014. № 1. С. 2–9.
4. Земцов С. П., Баринова В. А. Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации» // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 65–81.
5. Земцов С. П. Становление инновационных кластеров в России: итоги первых лет поддержки / С. П. Земцов, А. В. Сорокина, П. Н. Павлов, И. М. Бортник, О. В. Иванова, Е. С. Куценко // Инновации. 2015. № 7. С. 26–36.
6. Иващенко Н. П., Шаститко А. Е., Шпакова А. А. Смарт-контракты в свете новой институциональной экономической теории // Journal of Institutional Studies. 2019. № 3. С. 64–83.
7. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2020. Т. 2. 164 с.
8. Квинт В. Л. Теория и практика стратегирования. Ташкент : Тасвир, 2018. 160 с.
9. Куценко Е. С., Абашкин В. Л., Исланкина Е. А. Фокусировка региональной промышленной политики через отраслевую специализацию // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 65–89.
10. Мусаев Р. А., Панкратов А. А. Проблемы реализации федеральной кластерной политики в Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2020. № 2. С. 265–283.
11. Пилипенко И. В. Кластеры и территориально-производственные комплексы в региональном развитии // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / под общ. ред. С. С. Артоболевского, О. Б. Глезер. М. : Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2011. С. 191–208.
12. Пилипенко И. В. Принципиальные различия в концепции промышленных кластеров и территориально-производственных комплексов // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2004. № 5. С. 3–9.
13. Полтерович В. М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. 1998. № 1. С. 46–66.
14. Полтерович В. М. На пути к новой теории реформ // Экономическая наука современной России. 1999. № 3. С. 32–48.
15. Царенко А. С. «Бережливое государство»: перспективы применения бережливых технологий в государственном управлении в России и за рубежом // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 45. С. 74–109 [Электронный ресурс]. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/6898550/> (дата обращения: 19.08.2020).
16. Шаркова А. В., Мердеева М. И., Храпочкина В. М. Промышленно-сервисные кластеры: основные модели в условиях трансформации экономики России // Самоуправление. 2019. № 2. С. 401–403.
17. Швырков Ю. М. Государственное индикативное планирование: теория, история, современная практика (российский и зарубежный опыт). М. : Проспект, 2007.
18. Шувалов В. Е. Концептуальные проблемы развития отечественной районной школы социально-экономической географии // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2005. № 1. С. 13–24.
19. Abashkin V., Boyarov A., Kutsenko E. Cluster Policy in Russia: From Theory to Practice // Foresight-Russia. 2012. N 3. P. 16–27.
20. Porter M. E. On Competition. Boston. MA: Harvard Business Press, 2008.
21. Zemtsov S., Barinova V., Pankratov A., Kutsenko E. Potential High-Tech Clusters in Russian Regions: From Current Policy to New Growth Areas // Foresight and STI Governance. 2016. N 3. P. 34–52.

Об авторах:

Мусаев Расул Абдуллаевич, профессор кафедры макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук; rasmous@mail.ru

Панкратов Алексей Алексеевич, аспирант, инженер кафедры макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); pankratov_aleksey_ml@mail.ru

Астапов Кирилл Леонидович, профессор кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук; ast_k@mail.ru

References

1. Vlaskin G.A., Lenchuk E.B. The cluster approach to the strategy of innovative development of foreign countries // Problems of forecasting [Problemy prognozirovaniya]. 2010. N 5. P. 38–51. (In rus).
2. Glazyev S.Yu. Science at the Service of Eurasian Integration // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2018. N 2, P. 10–11. (In rus).
3. Glazyev S.Yu. Make knowledge power. The correct theory is a necessary condition for the development of the economy // Metallurgy of mechanical engineering [Metallurgiya mashinostroeniya]. 2014. N 1. P. 2–9. (In rus).
4. Zemtsov S. P., Barinova V.A. The paradigm changing of regional innovation policy in Russia: from equalization to smart specialization // Voprosy Ekonomiki. 2016. N 10. P. 65–81. (In rus).
5. Zemtsov S. P., Sorokina A. V., Pavlov P. N., Bortnik I. M., Ivanova O. V., Kutsenko E. S. Formation of innovation clusters in Russia: results of the first years of support // Innovations [Innovatsii]. 2015. N 7. P. 26–36. (In rus).
6. Ivashchenko N. P., Shastitko A. E., Shpakova A. A. Smart contracts in the light of the new institutional economic theory // Journal of Institutional Studies [Journal of Institutional Studies]. 2019. N 3. P. 64–83. (In rus).
7. Kvint V.L. The concept of strategizing. SPb. : SZIU RANEPa, 2020. Vol. 2. 164 p. (In rus).
8. Kvint V.L. Theory and practice of strategizing. Tashkent : Tasvir, 2018. 160 p. (In rus).
9. Kutsenko E. S., Abashkin V. L., Islankina E. A. Focusing regional industrial policy via sectorial specialization // Voprosy Ekonomiki. 2019. N 5, P. 65–89. (In rus).
10. Musaeu R. A., Pankratov A. A. Problems of the implementation of the federal cluster policy in the Russian Federation // Regional Economics: theory and practice [Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika]. 2020. N 2, P. 265–283. (In rus).
11. Pilipenko I. V. Clusters and territorial-production complexes in regional development. Regional development and regional policy of Russia in transition. In: S. S. Artobolevsky, O. B. Glaser (ed.). Moscow: Publishing house of MGTU N. E. Bauman, 2011. P. 191–208. (In rus).
12. Pilipenko I. V. Fundamental differences in the concept of industrial clusters and territorial production complexes // Bulletin of Moscow University [Vestnik Moskovskogo Universiteta]. Series 5. Geography. 2004. N 5. P. 3–9. (In rus).
13. Polterovich V. M. The crisis of economic theory // Economic science of modern Russia [Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii]. 1998. N 1, P. 46–66. (In rus).
14. Polterovich V. M. On the way to a new theory of reforms // Economic science of modern Russia [Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii]. 1999. N 3, P. 32–48. (In rus).
15. Tsarenko A. S. «Lean state»: prospects for the application of lean technologies in public administration in Russia and abroad // Public Administration. Electronic bulletin [Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik]. 2014. N 45 [Electronic resource]. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/6898550/> (accessed: 19.08.2020). (In rus).
16. Sharkova A. V., Merdeeva M. I., Khrapochkina V. M. Industrial and service clusters: basic models in a transformation of the Russian economy // Self-government [Samoupravlenie]. 2019. N 2, P. 401–403. (In rus).
17. Shvyrkov Yu. M. (2007). State indicative planning: theory, history, modern practice (Russian and foreign experience. Moscow: Prospect. (In rus).
18. Shuvalov V. E. (2005). Conceptual problems of the development of the domestic regional school of socio-economic geography // Bulletin of Moscow University [Vestnik Moskovskogo Universiteta]. Series 5: Geography, N 1, P. 13–24. (In rus).
19. Abashkin V., Boyarov A., Kutsenko E. Cluster Policy in Russia: From Theory to Practice // Foresight-Russia. 2012. N 3. P. 16–27.
20. Porter M. E. On Competition. Boston. MA: Harvard Business Press, 2008.
21. Zemtsov S., Barinova V., Pankratov A., Kutsenko E. Potential High-Tech Clusters in Russian Regions: From Current Policy to New Growth Areas // Foresight and STI Governance. 2016. N 3. P. 34–52.

About the authors:

Rasul A. Musaev, Doctor of Science (Economics), Professor of Department of Macroeconomic Policy and Strategic Management, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); rasmous@mail.ru

Alexey A. Pankratov, Postgraduate Student, Engineer of the Department of Macroeconomic Policy and Strategic Management, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); pankratov_aleksey_ml@mail.ru

Kirill L. Astapov, Doctor of Science (Economics), EMBA, Professor of Economic and Financial Strategy Department of Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); ast_k@mail.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

**Результаты контент-анализа стратегий субъектов
Российской Федерации**

Стратегия субъекта Российской Федерации	Год утверждения	Год завершения	Кластер	Кластерная инициатива	Кооперация	Умная специализация	Бережливое производство	Кол-во знаков, тыс.	Кэфф. кластерного присутствия
РФ (среднее)	2017	2030	74	1	14	7	2	390	1,78
Владимирская	2009	2030	173	2	5	0	0	380	4,55
Ивановская	2015	2020	75	0	14	2	0	521	1,44
Калужская	2009	2030	126	0	5	7	1	247	5,09
Костромская	Проект	2030	5	0	18	0	0	237	0,21
Московская	2019	2030	14	0	18	4	8	241	0,58
Орловская	2018	2035	26	0	23	7	0	396	0,66
Рязанская	2019	2030	56	1	7	5	4	222	2,52
Смоленская	2018	2030	65	0	3	0	0	244	2,67
Тверская	2013	2030	20	0	1	0	0	88	2,28
Тульская	Проект	2030	841	13	59	0	0	572	14,70
Ярославская	2014	2025	28	0	7	0	1	201	1,39
Москва	Проект	2025	58	3	4	21	0	230	2,52
Белгородская	2010	2025	336	0	19	0	1	688	4,89
Воронежская	2018	2035	122	2	36	10	0	649	1,88
Курская	Проект	2030	29	0	31	35	18	502	0,58
Липецкая	2006	2024	21	0	16	2	0	190	1,10
Тамбовская	2018	2035	23	0	3	0	0	359	0,64
Р. Карелия	2018	2030	55	1	30	13	7	459	1,20
Калининград-ская	2012	2020	56	1	13	4	0	701	0,80
Вологодская	2016	2030	44	0	5	0	0	230	1,91

Стратегия субъекта Российской Федерации	Год утверждения	Год завершения	Кластер	Кластерная инициатива	Кооперация	Умная специализация	Бережливое производство	Кол-во знаков, тыс.	Коефф. кластерного присутствия
Ленинградская	2016	2030	23	1	6	0	0	135	1,70
Мурманская	2013	2025	86	3	2	0	0	217	3,97
Новгородская	2012	2030	27	0	10	1	0	304	0,89
Псковская	2010	2020	10	0	3	0	0	137	0,73
Санкт-Петербург	2018	2035	16	1	8	6	1	383	0,42
Р. Коми	2019	2035	96	0	25	13	2	666	1,44
Архангельская	2019	2035	72	0	15	1	2	456	1,58
НАО	Проект	2030	8	0	7	3	1	384	0,21
Р. Адыгея	2018	2030	58	0	17	30	8	312	1,86
Р. Калмыкия	Проект	2030	74	1	25	22	0	390	1,90
Р. Крым	2017	2030	158	2	33	3	0	730	2,16
Краснодарский	2018	2030	284	1	20	124	3	522	5,45
Астраханская	2010	2020	156	0	8	0	1	369	4,22
Волгоградская	2008	2025	55	0	12	0	0	323	1,70
Ростовская	2018	2030	28	1	18	32	2	650	0,43
Севастополь	2017	2030	5	0	4	1	0	406	0,12
Р. Дагестан	2011	2025	26	0	4	1	0	124	2,10
Р. Ингушетия	2009	2030	25	1	11	0	0	554	0,45
Кабардино-Балкарская Р.	2016	2034	4	0	8	0	0	153	0,26
Карачаево-Черкесская Р.	2014	2035	35	0	1	0	0	226	1,55
Р. Северная Осетия	2019	2030	279	0	28	40	5	584	4,78
Чеченская Р.	2012	2025	8	0	6	1	0	715	0,11
Ставропольский	2009	2025	71	2	10	0	0	356	1,99
Р. Марий Эл	2018	2030	10	0	24	3	3	581	0,17
Р. Мордовия	2008	2025	47	0	10	0	0	348	1,35
Р. Татарстан	2015	2030	305	3	29	83	1	439	6,95
Удмуртская Р.	2009	2025	15	0	21	0	0	280	0,54
Чувашская Р.	2018	2035	46	0	25	9	1	481	0,96
Пермский	2011	2026	1	0	0	0	0	130	0,08
Кировская	2009	2020	55	0	10	0	0	465	1,18
Нижегородская	2018	2035	111	0	26	18	14	512	2,17

Стратегия субъекта Российской Федерации	Год утверждения	Год завершения	Кластер	Кластерная инициатива	Кооперация	Умная специализация	Бережливое производство	Кол-во знаков, тыс.	Кэфф. кластерного присутствия
Р. Башкортостан	2018	2030	8	0	6	0	1	325	0,25
Оренбургская	2010	2030	34	2	9	0	0	245	1,39
Пензенская	Проект	2035	39	2	7	0	0	250	1,56
Самарская	2017	2030	242	17	15	4	8	447	5,41
Саратовская	2016	2030	18	0	5	0	0	149	1,20
Ульяновская	2015	2030	225	0	20	6	2	498	4,52
Курганская	Проект	2030	7	0	1	0	0	200	0,35
Свердловская	2015	2030	1	0	1	0	0	65	0,15
Тюменская	2012	2030	17	0	4	0	0	212	0,80
Челябинская	2019	2035	67	2	7	6	0	558	1,20
ХМАО	2013	2030	81	0	7	8	0	891	0,91
ЯНАО	Проект	2030	2	0	0	0	1	286	0,07
Р. Алтай	2018	2035	31	0	3	0	0	361	0,86
Алтайский	Проект	2035	100	0	37	6	2	485	2,06
Кемеровская	2018	2035	33	0	10	13	1	442	0,75
Новосибирская	2019	2030	146	4	19	9	2	618	2,36
Омская	2013	2025	89	0	11	0	3	162	5,50
Томская	2015	2030	58	0	1	1	0	219	2,65
Р. Тыва	2018	2030	19	1	5	4	0	304	0,62
Р. Хакасия	2019	2030	16	0	15	0	1	524	0,31
Красноярский	2018	2030	34	0	22	2	0	487	0,70
Иркутская	Проект	2030	62	2	10	6	0	548	1,13
Р. Бурятия	2019	2035	59	0	44	0	4	448	1,32
Р. Саха (Якутия)	2018	2032	26	0	8	8	1	279	0,93
Забайкальский	2013	2030	60	0	5	0	0	494	1,22
Камчатский	2010	2030	174	2	7	1	0	641	2,71
Приморский	2018	2030	73	2	14	3	0	466	1,57
Хабаровский	2018	2030	35	2	21	4	0	408	0,86
Амурская	2012	2025	37	0	7	0	0	320	1,16
Магаданская	2010	2025	0	0	2	0	0	282	0,00
Сахалинская	2019	2035	94	0	32	21	1	1007	0,93
Еврейская авт. область	2019	2030	10	0	9	0	0	294	0,34

Стратегия субъекта Российской Федерации	Год утверждения	Год завершения	Кластер	Кластерная инициатива	Кооперация	Умная специализация	Бережливое производство	Кол-во знаков, тыс.	Коефф. кластерного присутствия
Чукотский авт. округ	2014	2030	0	0	0	0	0	114	0,00

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Значения коэффициентов корреляции исследуемой терминологии региональных стратегий с показателями экономического, инвестиционного и промышленно-технологического развития субъектов Российской Федерации

Показатель	Кластер	Умная специализация	Бережливое производство	Кластерная инициатива	Кооперация
ВРП на душу населения	–0,13	–0,02	–0,06	–0,05	–0,14
Инвестиции в основной капитал на душу населения	–0,13	–0,03	–0,05	–0,07	–0,12
Доля обрабатывающих производств в ВРП	0,29	–0,09	0,11	0,14	0,14
Доля инновационных товаров, работ и услуг в объеме отгруженной продукции	0,19	0,20	0,19	0,21	0,19
Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП	0,24	–0,14	–0,10	0,23	0,08
Год утверждения региональной стратегии	–0,04	0,23	0,30	0,14	0,36